

Научная статья
УДК 34

ПРАВОВАЯ ПРИРОДА СОГЛАСИЯ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ И ПОДХОДЫ К ЕЁ ОСМЫСЛЕНИЮ

Химичева Ольга Викторовна¹, Мичурина Оксана Валерьевна², Тутынин Игорь Борисович³

^{1,2,3}Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия

¹olga-him@mail.ru

²okmich@inbox.ru

³tutig@rambler.ru

Аннотация. Анализируя различные подходы к правовой природе согласия в уголовном судопроизводстве, авторы отводят ему особую роль в обеспечении не только эффективности уголовного судопроизводства, но прав и законных интересов его участников. Предлагается придерживаться более широкого понимания субъектов, дающих согласие на производство процессуальных действий и принятие процессуальных решений, включая в их перечень не только властных, но и невластных участников уголовного судопроизводства, а также лиц без какого-либо процессуального статуса, которые не названы участниками уголовного судопроизводства, но вовлечены в уголовно-процессуальную деятельность. Научные воззрения и практика правоприменения позволили предпринять попытку устранить имеющиеся противоречия в существенных специфических признаках согласия в уголовном судопроизводстве.

Ключевые слова: согласие, согласование, соглашение, согласительные процедуры, договорные отношения, публичность, диспозитивность, участники уголовного судопроизводства, компромисс.

Для цитирования: Химичева О. В., Мичурина О. В., Тутынин И. Б. Правовая природа согласия в уголовном судопроизводстве и подходы к её осмыслению // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2025. № 2(103). С. 327–334.

THE LEGAL NATURE OF CONSENT IN CRIMINAL PROCEEDINGS AND APPROACHES TO ITS UNDERSTANDING

Olga V. Khimicheva¹, Oksana V. Michurina², Igor B. Tutynin³

^{1,2,3}V.Y. Kikoty Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russia

¹olga-him@mail.ru

²okmich@inbox.ru

³tutig@rambler.ru

Annotation. Analyzing various approaches to the legal nature of consent in criminal proceedings, the authors assign it a special role in ensuring not only the effectiveness of criminal proceedings, but also the rights and legal interests of its participants. It is proposed to adhere to a broader understanding of the subjects giving consent to the production of procedural actions and the adoption of procedural decisions, including in their list not only

powerful, but also non-powerful participants in criminal proceedings, as well as persons without any procedural status who are not named as participants in criminal proceedings, but are involved in criminal procedural activity. Based on scientific views and law enforcement practice, an attempt is made to eliminate the existing contradictions in the essential specific features of consent in criminal proceedings.

Keywords: consent, coordination, agreement, conciliation procedures, contractual relations, publicity, discretion, participants in criminal proceedings, compromise.

For citation: Khimicheva O. V., Michurina O. V., Tutynin I. B. The legal nature of consent in criminal proceedings and approaches to its understanding // Scientific Bulletin of the Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. V. Lukyanova. 2025. № 2(103). P. 327–334.

В современном российском уголовном процессе согласие занимает важное место, являясь неотъемлемым элементом многих правовых институтов и необходимым условием для их эффективного функционирования. Достижение назначения уголовного судопроизводства невозможно без обеспечения баланса публичных и частных интересов, существенную роль в котором играет согласие, позволяющее не только решить проблему эффективности реализационного процесса, его сопровождающего, но также надлежащим образом обеспечить права и законные интересы участников уголовного судопроизводства. Всё это обуславливает острую необходимость в осмыслении правовой природы согласия в уголовном судопроизводстве.

Действующее законодательство устанавливает, что для проведения отдельных процессуальных действий, принятия конкретных процессуальных решений и перехода к определённым процедурам необходимо получить согласие соответствующих участников уголовного судопроизводства. Поэтому неслучайно в п. 41.1 ст. 5 УПК РФ законодатель закрепил нормативное определение согласия как разрешение руководителя следственного органа на производство следователем или разрешение прокурора, начальника органа дознания на производство дознавателем соответствующих следственных и иных процессуальных действий и на принятие ими процессуальных решений. Вместе с тем такое нормативное разъяснение категории «согласие» не совсем увязывается с логикой самого УПК РФ, в котором данный термин по состоянию на момент подготовки настоящей статьи используется 175 раз, причём не только в том смысле, который определяется ст. 5. Значительная часть норм уголовно-процессуального закона, включающих в себя согласие, посвящена не только правовым действиям участников уголовного судопроизводства, дающим разрешение своим подчинённым (поднадзорным, подконтрольным) на юридически значимые последствия. В тексте УПК РФ упоминается согласие, получаемое и у невластных участников уголовного судопроизводства (подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего и пр.), а также иных лиц, которые не названы участниками (например, при осмотре жилища говорится о согласии проживающих в нём лиц, в качестве которых могут быть близкие родственники, родственники, близкие лица участника уголовного судопроизводства, в том числе все прочие лица, которые с ним никак не связаны ни близостью, ни тем более родством).

Следует заметить, что все указанные варианты согласия невластных участников уголовного процесса не менее значимы для выполнения назначения уголовного судопроизводства, соблюдения процессуальной формы, чем согласие должностных лиц, осуществляющих уголовное судопроизводство. При этом представить исчерпывающий перечень тех, кто может дать согласие в уголовном судопроизводстве, вряд ли возможно. Нет никакого смысла и в попытках вычленивать их из УПК РФ. Отсюда согласимся с мнением Марфицина П. Г. об отсутствии хоть какой-то

целесообразности в нормативном закреплении дефиниции «согласие» в ст. 5 УПК РФ, по крайней мере, в том виде, который она имеет сейчас [1, с. 67].

Правоприменительная деятельность основывается не только на нормах права, но и на возможности совершать некоторые действия по своему усмотрению. Однако эта свобода действий ограничена самой процессуальной формой, в рамках которой осуществляется процесс правоприменения. В современном мире наблюдается тенденция к упрощению различных процессов, что также затронуло и отечественное уголовно-процессуальное право.

Потребность упрощения правовых процедур как средства разрешения социальных, экономических и иных конфликтов побудила законодателя искать наиболее простую, эффективную и экономически выгодную форму уголовного судопроизводства [2, с. 3]. Часто упрощение уголовного судопроизводства в теории принято в большей степени связывать с дифференциацией уголовно-процессуальной формы, но никак не с развитием договорных отношений или согласительных процедур. Объясняется это как классическими правовыми традициями, основывающимися на публично-правовой природе уголовного процесса и императивном методе регулирования, так и уголовно-процессуальной идеологией, отстаивающей национальную самобытность российского уголовного судопроизводства [3, с. 4], опирающейся своими истоками на культурно-историческое наследие и духовно-нравственные основы российской общности [4, с. 198].

Целью развития согласительных процедур является не отказ от правовой определённости в уголовно-процессуальной сфере, а ограничение дискреции правоохранительных органов и повышение качества регулирования уголовно-процессуальных отношений. Их внедрение должно повысить эффективность противодействия преступности при снижении затрат на эту государственную деятельность [5, с. 5]. Так, в ходе проведения одного из диссертационных исследований было выявлено, что в 90,6 % из всех изученных уголовных дел требовалось получить согласие на процессуальные действия или решения. При этом по многим уголовным делам согласительные процедуры применялись неоднократно (65,4 %) [6, с. 3], что свидетельствует о популярности института согласия в правоприменении.

Согласительная процедура в уголовном судопроизводстве представляет собой установленную законом процессуальную форму разрешения правового спора, с помощью которой участники могут прийти к соглашению и достичь компромисса. Она основана на договорённости об определении и выполнении условий, необходимых для принятия желаемого процессуального решения [7, с. 12] или процессуального действия. Потребность в реализации согласия в уголовном судопроизводстве достаточно обширна. Согласие может быть неотъемлемым элементом согласительной процедуры, сутью правила, подлежащего применению (например, глава 40 УПК РФ об особом порядке принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением и др.), реализовываться самостоятельно вне согласительной процедуры по причине того, что получается оно от лица, не имеющего какого-либо процессуального интереса в исходе уголовного дела.

Если затрагивать доктринальное понимание согласия в уголовном судопроизводстве, то не все исследователи точны в его определении, что отчасти объясняется упомянутой уже нами несостыковкой положений п. 41.1 ст. 5 с другими нормами УПК РФ. Так, Насонов А. А., показывая особенности механизма реализации согласия в российском уголовном процессе, которые выражаются в том числе и в способствовании «достижению компромисса между субъектами согласования при одновременном контроле за соблюдением публичных и частных интересов и координации действий властных субъектов» [8, с. 46], не в полной мере учитывает все виды «согласий», несмотря на то, что в своей работе о них ведёт речь. Для

установления правовой природы согласия в уголовном судопроизводстве, принципиально важно решить вопрос о существенных специфических признаках согласия, тем более, что ответ на него в уголовно-процессуальной науке весьма неоднозначен.

Во-первых, ведя речь о формах языкового выражения уголовно-процессуального согласия, необходимо строго отграничивать его от согласования. Эти понятия не совпадают по смыслу и не являются тождественными, несмотря на их близость. Согласование означает взаимодействие между двумя и более лицами в отношении каких-либо взаимных условий, тогда как согласие представляет собой волеизлияние, выраженное в разрешении только одного лица. Кроме того, именно согласование больше подходит под смысл, заложенный в п. 41.1 ст. 5 УПК РФ, представляя собой согласованность действий должностных лиц со стороны обвинения, имеющих один общий процессуальный интерес. Тем самым согласие и согласование существенно различаются между собой не только по содержанию, но и по своей направленности, а значит, имеют разную правовую природу. Если же говорить о соглашении, которое представляет собой обоюдovou выгоду сторон, то оно ближе по своей правовой природе согласию в силу того, что дача согласия может стать юридическим фактом к наступлению соглашения. Согласие в этом смысле является одним из условий для заключения соглашения в рамках согласительной процедуры.

Во-вторых, на спорность мнения о единствах механизма реализации согласия в российском уголовном процессе, о достижении компромисса, о соотношении при этом публичных и частных интересов указывает множественность властных и невластных субъектов, имеющих полномочие или право выразить по закону своё согласие. К примеру, не всегда можно поставить знак равенства между уголовно-процессуальным согласием иностранного государства (ч. 2 ст. 3, ч. 1 и 2 ст. 461 УПК РФ) и Российской Федерации (ч. 3 ст. 462 УПК РФ), так как оно отличается как по сути, так и по процедуре получения, а особенно по последствиям его реализации.

В УПК РФ предусмотрено получение согласия внушительного количества невластных субъектов, именно тех, кто не осуществляет уголовно-процессуальную деятельность. К ним можно отнести: лиц, обладающих свидетельским иммунитетом (ч. 2 ст. 11); проживающих в жилище лиц (ч. 1 ст. 12, ч. 5 ст. 177); руководителя коммерческой или иной организации, не являющейся государственным или муниципальным предприятием либо организацией с участием в уставном (складочном) капитале (паевом фонде) государства или муниципального образования (ст. 23); потерпевшего (п. 3 и 4 ч. 2 ст. 42); гражданского истца (п. 7 ч. 4 ст. 44); подозреваемого, обвиняемого, подсудимого (ч. 2 и 3 ст. 28.2, ч. 2 ст. 34, п. 2 ч. 4 ст. 46, ч. 4.1 ст. 49 и др.); гражданского ответчика (п. 4 ч. 2 ст. 54); лицо, которому адвокат оказывал юридическую помощь (п. 3 ч. 3 ст. 56); сенатора Российской Федерации, депутата Государственной Думы (п. 5 ч. 3 ст. 56); Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации, уполномоченного по правам человека в субъекте Российской Федерации (п. 8 ч. 3 ст. 56); свидетеля (п. 1 ч. 4 ст. 56); владельца имущества (ст. 82); опрашиваемых защитником лиц (п. 2 ч. 3 ст. 86); лицо, в отношении которого даётся поручительство (ч. 2 ст. 103); законного представителя (ч. 5 ст. 161); освидетельствуемого лица (ч. 5 ст. 179); участника, в отношении которого производится судебная экспертиза (ч. 4 ст. 195); стороны (ч. 1 ст. 281); большинство присяжных заседателей (ч. 8 ст. 343); участника, находящегося за пределами территории Российской Федерации (ч. 1 ст. 456), и др.

Данный состав «разношёрстный» по выполняемым функциям, по своему процессуальному статусу, объёму соответствующих прав и обязанностей, перспективе наступления ответственности и пр. У них разные, подчас даже разнонаправленные

интересы по уголовному делу. Отдельные из перечисленных лиц не только не имеют чётко определённого процессуального статуса, но даже не являются участниками уголовного судопроизводства. Применимо ко всем перечисленным лицам, помимо значительного влияния их психологических качеств на выражение согласия, должны учитываться возможность или невозможность присутствия коллективных интересов (коллективные заявления, ходатайства), делопроизводственные особенности (бюрократические особенности), общественное, государственное значение происходящего и пр.

В-третьих, действительно, при согласовании действий и решений следователя и дознавателя с руководителем следственного органа, прокурором, начальником органа дознания, начальником подразделения дознания можно говорить об их взаимодействии и даже координации деятельности властных субъектов, вместе с тем вряд ли правильно категорично утверждать о необходимости контроля за соблюдением не только публичных, но и частных интересов.

Частные интересы в уголовном судопроизводстве проявляются в волеизъявлении частных лиц по их отстаиванию, их реализация зависит от правовых возможностей для этого, в том числе и от вида уголовного преследования по конкретному делу и других обстоятельств. Желание человека и его активные действия служат выявлению и реализации частных интересов в уголовном судопроизводстве. Именно он отстаивает свои интересы с помощью правовых средств, но злоупотреблять по данному вопросу чрезмерной активностью властных субъектов недопустимо.

Как справедливо отмечено в научной литературе, для участников, не обладающих властными полномочиями, такие критерии, как совокупность имеющихся в уголовном деле доказательств, закон и совесть, не всегда являются обязательными для реализации своих прав. Это объясняется тем, что они не всегда имеют доступ к доказательствам, имеющимся в уголовном деле, а также значительными расхождениями в их ценностных ориентациях [9, с. 133]. Таким образом, на правовые поступки оказывает большое влияние не только закон, но и нравственные нормы.

Правовое действие по реализации лицом (физическим или юридическим) частных интересов в уголовном судопроизводстве основано на внутреннем побуждении, на психологических особенностях, порой необъяснимых, алогичных, не требующих выполнения требований ч. 4 ст. 7 УПК РФ (о законности, обоснованности, мотивированности процессуального решения).

Потерпевший (гражданский истец) может отказаться от любых претензий к обвиняемому (гражданскому ответчику) просто потому, что им так «захотелось», в том числе в ущерб своим личным интересам. В данном случае в уголовном судопроизводстве не всегда достигается указанный выше компромисс. Например, при переходе конфликта в гражданское судопроизводство по одному и тому же факту, но по иному основанию, чем то, по которому уже имеется преюдиционное решение по уголовному делу, категорично утверждать о завершении правоотношений будет заблуждением. Полагаем, что психологические качества личности (мировоззрение человека, духовные ценности, материальные потребности и средства их достижения, жизненные цели, установка, характер, способности, эмоции и др.) предопределяют поступки частного лица при реализации положений уголовно-процессуального закона о даче соответствующего согласия. А вот следователь, дознаватель, прокурор, суд не должны этого допускать в своих правовых поступках, оставаясь в рамках, очерченных ч. 4 ст. 7 УПК РФ.

В-четвёртых, в попытках расширения процессуального контроля в компромиссных и иных уголовно-процессуальных формах не всегда удаётся исследователям правильно перераспределить полномочия между его субъектами.

К примеру, Насонов А. А., предложив в целях наделения начальника подразделения дознания полномочиями, которые законодатель отнёс к исключительной компетенции начальника органа дознания (к примеру, утверждение обвинительного акта и обвинительного постановления) [8, с. 26], упустил из вида двойственность процессуального статуса дознавателя, которое он либо уже имеет по закону и тогда правомочен, поскольку состоит в штатной должности дознавателя, либо приобретает такой процессуальный статус при наличии возложения на него осуществления предварительного расследования в форме дознания начальником органа дознания. Будет ли допустимым утверждение обвинительного акта или обвинительного постановления начальником подразделения дознания тогда, когда он составлен уполномоченным (нештатным) дознавателем, который не является подчинённым ему сотрудником? Скорее всего, что нет. Отсюда понятна логика законодателя, подобным образом разграничившим полномочия между начальником подразделения дознания и начальником органа дознания [10, с. 26]. Всякие попытки перераспределить между ними полномочия обречены на неуспех, пока в законе присутствует уполномоченный начальником органа дознания дознаватель.

В заключение необходимо резюмировать, что, обеспечивая баланс публичных и частных интересов, согласие в уголовном судопроизводстве проявляется в свободном волеизъявлении конкретного лица, выраженном в разрешении на производство отдельных следственных и иных процессуальных действий, а также принятие процессуальных решений. Согласие может быть одним из неотъемлемых элементов согласительных процедур, но проявляет себя в уголовном судопроизводстве в достаточной степени и вне их. Круг субъектов, дающих согласие, обширен и не ограничивается только должностными лицами, осуществляющими уголовное судопроизводство, включая других участников уголовного судопроизводства, а также тех, кто участниками уголовного судопроизводства и не является, но в силу определённых обстоятельств оказался вовлечён в уголовно-процессуальную деятельность.

1. Марфицин П. Г. Некоторые несогласия с понятием «согласие» в уголовном судопроизводстве // Вестник Омской юридической академии. 2016. № 3(32). С. 65–68.
2. Машинникова Н. О. Усмотрение суда при рассмотрении уголовных дел при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ульяновск, 2021. 30 с.
3. Колесник В. В. Концепция договорных отношений в примирительных, ускоренных и согласительных процедурах уголовного судопроизводства: дис. ... д-ра юрид. наук. Ульяновск, 2024. 575 с.
4. Адаменко А. Е. Уголовно-процессуальная деятельность: системообразующие основания и компоненты: дис. ... д-ра юрид. наук. Нижний Новгород, 2018. 384 с.
5. Абшилава Г. В. Согласительные процедуры в уголовном судопроизводстве Российской Федерации: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2012. 551 с.
6. Мильтова Е. В. Согласительные процедуры в российском уголовном процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Тюмень, 2011. 21 с.
7. Саркисян Т. Б. Согласительные процедуры в уголовном судопроизводстве и их применение в стадии предварительного расследования: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2012. 201 с.
8. Насонов А. А. Согласие и его реализация в уголовном судопроизводстве России: теоретические основы, правовое регулирование и правоприменение: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Воронеж, 2024. 28 с.

9. Сибирцев Г. И. Независимость адвоката-защитника в уголовном процессе: монография. М.: Юрлитинформ, 2019. 167 с.
10. Мичурина О. В. Контрольно-надзорное бремя дознания в российском уголовном судопроизводстве // *Законы России: опыт, анализ, практика*. 2025. № 1. С. 24–28.
1. Marficin P. G. Nekotory`e nesoglasiya s ponyatiem «soglasie» v ugovnom sudoproizvodstve // *Vestnik Omskoj juridicheskoj akademii*. 2016. № 3(32). S. 65–68.
2. Mashinnikova N. O. Usmotrenie suda pri rassmotrenii ugovny`x del pri soglasii obvinyaemogo s pred`yavlenny`m emu obvineniem: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. U`yanovsk, 2021. 30 s.
3. Kolesnik V. V. Konceptsiya dogovorny`x otnoshenij v primiritel`ny`x, uskoreny`x i soglasitel`ny`x procedurax ugovnogo sudoproizvodstva: dis. ... d-ra jurid. nauk. U`yanovsk, 2024. 575 s.
4. Adamenko A. E. Ugolovno-processual`naya deyatel`nost`: sistemoobrazuyushhie osnovaniya i komponenty`: dis. ... d-ra jurid. nauk. Nizhnij Novgorod, 2018. 384 s.
5. Abshilava G. V. Soglasitel`ny`e procedury` v ugovnom sudoproizvodstve Rossijskoj Federacii: dis. ... d-ra jurid. nauk. M., 2012. 551 s.
6. Mil`tova E. V. Soglasitel`ny`e procedury` v rossijskom ugovnom processe: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. Tyumen`, 2011. 21 s.
7. Sarkisyan T. B. Soglasitel`ny`e procedury` v ugovnom sudoproizvodstve i ix primenenie v stadii predvaritel`nogo rassledovaniya: dis. ...kand. jurid. nauk. Krasnodar, 2012. 201 s.
8. Nasonov A. A. Soglasie i ego realizaciya v ugovnom sudoproizvodstve Rossii: teoreticheskie osnovy`, pravovoe regulirovanie i pravoprimenenie: avtoref. dis. ... d-ra jurid. nauk. Voronezh, 2024. 28 s.
9. Sibircev G. I. Nezavisimost` advokata-zashhitnika v ugovnom processe: monografiya. M.: Yurlitinform, 2019. 167 s.
10. Michurina O. V. Kontrol`no-nadzornoe bremya doznaniya v rossijskom ugovnom sudoproizvodstve // *Zakony` Rossii: opy`t, analiz, praktika*. 2025. № 1. S. 24–28.

Информация об авторах

Ольга Викторовна Химичева. Начальник кафедры уголовного процесса, доктор юридических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации.

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя.
117997, Россия, г. Москва, ул. Академика Волгина, 12.

Оксана Валерьевна Мичурина. Профессор кафедры уголовного процесса, доктор юридических наук, профессор.

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя.
117997, Россия, г. Москва, ул. Академика Волгина, 12.

Игорь Борисович Тутынин. Профессор кафедры уголовного процесса, доктор юридических наук, доцент.

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя.
117997, Россия, г. Москва, ул. Академика Волгина, 12.

Information about the authors

Olga V. Khimicheva. Head of the Department of Criminal Procedure. Doctor of Law, Professor, Honored Worker of the Higher School of the Russian Federation.

V.Y. Kikoty Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia.
117997, Russia, Moscow, Akademika Volgina Str., 12.

Oksana V. Michurina. Professor of the Department of Criminal Procedure. Doctor of Law, Professor.

V.Y. Kikoty Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia.
117997, Russia, Moscow, Akademika Volgina Str., 12.

Igor B. Tutynin. Professor of the Department of Criminal Procedure. Doctor of Law, Associate Professor.

V.Y. Kikoty Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia.
117997, Russia, Moscow, Akademika Volgina Str., 12.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
The authors declare no conflicts of interests.

Авторами внесён равный вклад в написание статьи.
The authors have made an equal contribution.

Статья поступила в редакцию 04.03.2025; одобрена после рецензирования 27.05.2025; принята к публикации 17.06.2025.

The article was received in the editorial office on 04.03.2025; approved after review on 27.05.2025; accepted for publication on 17.06.2025.